

Гончаров Иван Александрович

[6 (18) июня 1812, Симбирск 15 (27) сентября 1891, Петербург]

Русский писатель, критик, член-корреспондент Петербургской АН (1860). В романе «Обломов» (1859) судьба главного героя раскрыта не только как явление социальное («обломовщина»), но и как философское осмысление русского национального характера, особого нравственного пути, противостоящего суете всепоглощающего «прогресса». В романе «Обыкновенная история» (1847) конфликт между «реализмом» и «романтизмом» предстает как существенная коллизия русской жизни. В романе «Обрыв» (1869) поиски нравственного идеала (особенно женские образы), критика нигилизма. Цикл путевых очерков «Фрегат «Паллада» (1855–1857) своеобразный «дневник писателя»; литературно-критические статьи («Мильон терзаний», 1872).

«Чтение было моей школой...»

Гончаров родился в купеческой семье. Первоначальное образование получил в частном пансионе, где выучил французский и немецкий языки, перечитал все доступные книги «невообразимую смесь... почти выученную наизусть». В 1822 его отдали в Московское коммерческое училище, в 1831 он поступил на словесное отделение Московского университета: изучение литературы подстегивало «страсть к чтению» и «формировало перо». Еще студентом Гончаров перевел и поместил в журнале «Телескоп» две главы из романа Э. Сю «Атар-Гюль» (1832). По окончании университета (1834) он ненадолго вернулся в Симбирск, затем навсегда переехал в Петербург, где начал службу в Министерстве финансов, продолжая все свободное время заниматься литературой: много переводил, писал романтические стихи и шуточные повести для домашнего чтения в кругу Майковых (в этой семье он преподавал русскую литературу и латинский язык будущему поэту А. Майкову и его брату В. Майкову, впоследствии известному критику). В их доме писатель завязал и первые литературные знакомства.

Триумфальное начало

Гончаров входил в литературу нерешительно, переживая глубокие сомнения в своих силах: «кипами исписанной бумаги ... топил печки». В 1842 он написал очерк «Иван Савич Поджабрин», напечатанный лишь шесть лет спустя. В 1845 Гончаров напряженно работал над романом, который передал В. Белинскому «для прочтения и решения, годится ли он». Этот роман — «Обыкновенная история» — вызвал восторженную оценку критика и его окружения. Напечатанный в «Современнике» в 1847, роман принес писателю настоящее признание. Столкновение двух центральных героев романа Адуева-дяди и Адуева-племянника, олицетворяющих трезвый практицизм и восторженный идеализм, воспринималось современниками как «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму» (Белинский). Однако автор рисовал с иронией не только прекраснодушие и ходульное поведение запоздалого романтика. В. Боткин, справедливо замечая, что в романе достается и голому практицизму, что художник «бьет обе эти крайности», признавался: «Я ничего не знаю умнее этого романа». Десятилетия спустя антиромантический пафос становился все менее актуальным, и следующие поколения воспринимали роман иначе, как самую «обыкновенную историю» охлаждения и отрезвления человека, как вечную тему жизни. Многомерность авторской позиции и изощренность психологического анализа, ставшие устойчивыми чертами поэтики Гончарова, объясняются отчасти и своеобразным автобиографизмом романа: каждый из героев-антиподов психологически близок писателю, представляя разные проекции его душевного мира.

Фрегат «Паллада»

В 1852 Гончаров в качестве секретаря адмирала Е. Путятина отправился в кругосветное плавание на фрегате «Паллада». Секретарские обязанности отнимали много сил, тем не менее уже во время экспедиции «явилась охота писать», и Гончаров «набил целый портфель путевыми записками». Они сложились в итоге в книгу очерков, печатавшихся в 1855–1857 в периодике, а в 1858 вышедших отдельным изданием под названием «Фрегат “Паллада”». У Гончарова с детства был вкус к литературе путешествий, и здесь он выступил истинным мастером этого жанра. «Параллель между своим и чужим», острые впечатления от встречи с другими культурами (главным образом с британской и японской), привычка все «прикидывать» «на свой аршин» обеспечили заинтересованное внимание русского читателя к этим очеркам. Н. Добролюбов восхищался остроумием и наблюдательностью «блестящего, увлекательного рассказчика».

Цензор-изгнанник

По возвращении из путешествия Гончаров определился на службу в Петербургский цензурный комитет. Должность цензора, а также принятое им приглашение преподавать русскую литературу наследнику престола превратили писателя в «предмет негодования либералов» (дневник Е. Штакеншнейдер). Заметно охладились его отношения с кругом Белинского. Позднее Гончаров подчеркивал, что его либеральные настроения молодости не имели ничего общего с «юношескими утопиями в социальном духе» и что влияние Белинского ограничивалось сферой эстетики. Гончаров-цензор облегчил печатную судьбу целого ряда лучших произведений русской литературы («Записки охотника» Тургенева, «Тысяча душ» Писемского и др.), однако к радикальным изданиям он относился откровенно враждебно, что вызывало раздражение в кругах левой интеллигенции. В течение нескольких месяцев, с осени 1862 по лето 1863, Гончаров редактировал официальную газету «Северная почта», что также дурно отразилось на его репутации. В 1860–1870-е Гончаров, человек мнительный и, по его собственному определению, «нервный», упрямо удалялся от литературного мира. «Кусок независимого хлеба, перо и тесный кружок самых близких приятелей» составили его житейский идеал: «Это впоследствии называли во мне обломовщиной».

«Я был счастлив успехом “Обломова”»

Замысел нового романа сложился у Гончарова еще в 1847. Два года спустя была напечатана глава «Сон Обломова» — «увертюра всего романа». Но читателю пришлось еще в течение десяти лет ждать появления полного текста «Обломова» (1859), сразу завоевавшего огромный успех: «Обломов и обломовщина... облетели всю Россию и сделались словами, навсегда укоренившимися в нашей речи» (А. Дружинин). Роман спровоцировал бурные споры, свидетельствуя о глубине замысла. Статья Добролюбова «Что такое обломовщина» (1859) представляла собой беспощадный суд над главным героем, «совершенно инертным» и «апатичным» барином, символом косности крепостнической России. Эстетическая критика, напротив, видела в герое самостоятельную и чистую, «нежную и любящую натуру», далекую от модных веяний и сохранившую верность главным ценностям бытия. К концу прошлого века полемика о романе продолжалась, причем последняя трактовка постепенно возобладала: ленивый мечтатель Обломов по контрасту с сухим рационалистом Штольцем стал восприниматься как воплощение «артистического идеала» самого романиста, тонкий психологический рисунок свидетельствовал о душевной глубине героя, читателю открылся мягкий юмор и скрытый лиризм Гончарова. В начале XX века И. Анненский по праву назвал «Обломова» «совершеннейшим созданием» писателя.

Последний роман

«Обрыв» (1868) был задуман еще в 1849 как роман о сложных отношениях художника и общества. К 1860-м замысел обогатился новой проблематикой, рожденной пореформенной эпохой. В центре произведения оказалась трагическая судьба революционно настроенной молодежи, представленной в образе «нигилиста» Марка Волохова. Уже символическое название романа, найденное на самом последнем этапе работы, свидетельствовало об авторском неприятии общественного радикализма. Издания левой ориентации возмущенно реагировали на роман, отказав автору в таланте и в праве суда над молодежью, пройдя мимо глубокой трактовки любовной темы в «Обрыве». Напряженный конфликтный фон, не свойственный обычно Гончарову-романисту, диктовался острой постановкой проблемы свободы в любви: борьба главной героини со страстью, столкновение нравственных императивов с силой любовного влечения дали Гончарову богатый материал для глубокого психологического анализа.

Последние годы

После «Обрыва» имя Гончарова редко появлялось в печати. Он ограничился публикацией лишь нескольких мемуарных очерков и литературно-критических статей, среди которых выделяется «критический этюд» «Милльон терзаний» (1872), посвященный постановке «Горя от ума» А. Грибоедова на сцене Александринского театра, ставший классическим разбором комедии. Гончаров предложил столь глубокую трактовку психологической и драматической природы «Горя от ума», что ни один историк литературы в дальнейшем не обошел вниманием его анализ. Сам писатель болезненно переживал творческое молчание последних десятилетий. Его письма тех лет рисуют образ одинокого и замкнутого человека, необычайно тонкого наблюдателя, сознательно сторонящегося жизни и вместе с тем страдающего от своего изолированного положения.